

Говард Филлипс Лавкрафт

Соня Грин

Четыре утра

(Four O'Clock)

Ближе к двум я понял, что оно близко. Великое черное безмолвие из утробы самой ночи принесло мне эту весть, а чудовищный сверчок, стрекотавший с таким омерзительным упорством, что в нем не мог не скрываться некий смысл, укрепил мою убежденность. Все случится в четыре, в предрассветную пору — в четыре часа, как он и говорил. Поначалу я не вполне ему поверил, ибо пророчества мстительных безумцев редко стоят того, чтобы относиться к ним всерьез. Кроме того, по всей справедливости на меня нельзя было возложить вину за то, что случилось с ним в четыре часа тем утром, тем ужасным утром, которое навсегда останется в моей памяти. И когда он наконец умер и был похоронен на древнем кладбище через дорогу, на которое выходят мои восточные окна, я пребывал в уверенности, что его проклятие мне не навредит. Разве не видел я, как увесистые комья земли, падая с заступов, надежно укрывают его бездыханный прах? Разве были у меня причины сомневаться в том, что его тленные останки окажутся бессильны принести мне погибель в день и час, предсказанные с такой точностью? Таковы были мои мысли вплоть до самой этой ужасной ночи — ночи невообразимого хаоса, развенчанных убеждений, неименуемых предвестий.

Я лег пораньше в глупой надежде урвать несколько часов сна, несмотря на тревожившее меня пророчество. Теперь с приближением назначенного срока, мне было все трудней и трудней отмахнуться от неясных страхов, что неизменно таились под спудом моих сознательных дум. Остывающие простыни умиротворяли мое разгоряченное тело, но нечему было успокоить мой воспаленный разум; в своем беспокойном бдении я метался в постели и менял позу за позой, отчаянно надеясь, что забытье прогонит безжалостную, неотвязную мысль: *все случится в четыре утра*.

Не крылась ли причина моего тягостного смятения в окружавшей меня обстановке, в самом злосчастном жилище, где я очутился столько лет спустя? Почему, вопрошал я себя с горечью, именно в эту ночь из всех ночей я позволил обстоятельствам привести меня в столь памятный мне дом, в знакомую комнату, восточные окна которой смотрят на пустынную дорогу и раскинувшееся за ней древнее кладбище? Мысленным взором я видел этот незатейливый некрополь во всех подробностях — белую ограду, призрачные гранитные колонны и колышущиеся ореолы тех, кого поедают черви. В конце концов сила воображения открыла перед моими глазами более потаенные и запретные глубины, и под некошенной травой я разобрал очертания безмолвных существ, от которых исходили эти ореолы, — безмятежно спящих, истлевающих ныне существ, что неистово корчились в своих гробах, пока их не настиг сон, и мирные кости на всех стадиях разложения, от полноценного скелета до скорбной горстки праха. Больше всего я

завидовал этим горсткам. И тогда явился новый ужас — фантазия привела меня к его могиле. Я не смел пускать свои мысли в это обиталище и закричал бы, если б нечто не опередило меня — некая злокозненная сила, избавившая меня от дальнейшего. Это был внезапный порыв ветра, налетевший ниоткуда среди тихой ночи, он сорвал ставень на ближайшем окне и с дребезжанием откинул его, открыв моим неспящим глазам старинное кладбище, призраком дремлющее в свете утренней луны.

Я говорю об этом порыве как о чем-то милосердном, но теперь понимаю, что милосердие это было скоротечным и глумливым. Ибо едва успели мои глаза вобрать лунный пейзаж, как мне явилось новое предвестие, возникшее среди светящихся надгробий через дорогу, на сей раз слишком явственное, чтобы отместить его как пустое наваждение. Взглянув с безотчетной тревогой в том направлении, где истлевали его останки, — то место скрывала от меня оконная рама, — я с трепетом осознал, что ровно с той стороны зловеще и плавно надвигается некая сущность; расплывчатая, туманная, бесформенная серо-белая масса вещественной или духовной природы, пока что рассеянная и тусклая, но с каждым мигом все более близкая к катастрофическому и грозному проявлению. Сколько ни тщился я воспринимать ее как естественный метеорологический феномен, ее устрашающе значимый и *неслучайный* характер становился все очевидней; флюиды ужаса и дурных предчувствий обрушились на меня с новой силой, поэтому едва ли можно сказать, что я оказался не готов к заведомо просчитанной и злонамеренной кульминации, которая случилась следом. В этой кульминации, принесшей с собою отвратительное символическое предзнаменование финала, в равной мере сочетались простота и угроза. С каждым мгновением дымка сгущалась все заметней, пока приняла наконец отчасти материальный облик; та ее сторона, что была ближе ко мне, приобрела округлые и отчетливо вогнутые очертания, после чего сущность постепенно прекратила движение и фантомом застыла по ту сторону дороги. И вот теперь, когда она стояла там и мелко подрагивала на сыром ночном воздухе, в болезненном свете луны, я разглядел, что передо мной гигантский бледный циферблат перекошенных часов.

Теперь устрашающие события заспешили друг за другом демонической чередой. В нижней правой четверти туманного циферблата проявилось черное, наводящее ужас создание, лишенное формы и видимое лишь наполовину, однако обладавшее четырьмя выраженными когтями, которые жадно тянулись ко мне и самым положением своим, самым абрисом воплощали гибельную фатальность, ибо безошибочно воспроизводили на трепещущей глади рокового циферблата позицию и контуры отметки IV. Спустя мгновение чудовище выступило или вылезло из вогнутой поверхности циферблата и посредством некоего неизвестного способа передвижения тронулось в мою сторону. Стало видно, что его четыре длинных, тонких, прямых когтя завершаются омерзительными нитевидными щупальцами, каждое из которых обладало собственным гнусным разумом и беспрестанно шарило вокруг себя, поначалу медленно, но в итоге нарастив такую скорость, что головокружительная быстрота этих движений едва не свела меня с ума. Венцом же ужаса стал миг, когда я начал слышать едва различимые загадочные звуки, прорезавшие напряженную тишину ночи; усиленные тысячекратно, все они в один голос напоминали мне о ненавистном часе — четырех утра. Понапрасну я тщился спрятаться от них под покрывалом; понапрасну надеялся заглушить их своими криками. Я был нем и бездвижен, но с мучительной ясностью осознавал всякую деталь,

всякий звук в этой губительной, самую луной проклятой тиши. Лишь единожды я сумел приподнять голову — в миг, когда верещание сверчка, исторгавшего все ту же жуткую фразу, *четыре утра*, угрожало разбить мой мозг вдребезги, — но это лишь усилило мой ужас, и теперь каждый вопль мерзостной твари бил по мне исполинским молотом.

И тогда же, когда моя измученная голова лишилась своего бесполезного убежища, мне явилось дьявольское зрелище, что терзало глаза больше прежнего. На свежевыкрашенной стене моей квартиры, словно явившись на зов монстра с щупальцами, насмешливо плясали мириады всяческих созданий, черных, серых и белых, коих смогло бы нарисовать лишь воображение, отмеченное печатью Господней. Одни были бесконечно малы, другие занимали бескрайние пространства. В мелочах каждое из них отличалось ужасным, гротескным своеобразием, тогда как общими своими очертаниями все они соответствовали одному и тому же кошмарному образцу, несмотря на огромную разницу в размерах. Я снова попытался оградить себя от наваждений этой ночи, и снова втуне. Пляшущие на стене фигуры то вырастали, то съеживались, приближаясь и отдаляясь в такт своему нездоровому, зловещему танцу. И в облике каждой из них присутствовал демонический циферблат, на котором неизменно был обозначен один и тот же злополучный час — грозная, фатальная отметка *четыре*.

Так и не преуспев в попытках оградить себя от этого неослабного кружащегося бреда, я еще раз взглянул в раскрытое окно и вновь узрел чудовище, явившееся из могилы. Прежде оно было ужасно, теперь же стало неопишимо. Прежде оно являло собой некую неясную субстанцию, теперь же состояло из багрового недоброго огня и отталкивающе размахивало своими четырьмя когтями-щупальцами — неизъяснимыми языками живого пламени. Оно все глядело и глядело на меня из черноты — глумливо, с издевкой, то надвигаясь, то отдаляясь. Затем в сумрачной тиши четыре огненных отростка призывно поманили демонических плясунов на стенах и словно бы принялись ритмично отбивать такт некой жуткой сарабанды, пока мир не превратился в дьявольски вращающийся водоворот из скакавших, рез. вившихся, скользивших, ухмылявшихся, дразнившихся, угрожающих четырехчасий.

Зародившись где-то вдали и неторопливо пробравшись над молчащим точно сфинкс морем и гиблыми топиями, зашелестел утренний ветер; поначалу еле слышно, но все прибавляя и прибавляя в громкости, пока его неизбывное бремя не прорвалось жужжащей, стрекочущей какофонией, несущей в себе все ту же чудовищную угрозу — *«четыре утра, четыре утра, ЧЕТЫРЕ УТРА»*. С монотонным усердием он обратился из шепота в оглушающий рев, в рокот огромного водопада, но наконец достиг высшей точки и пошел на убыль. Растворяясь вдалеке, он наполнил мои чуткие уши отзвуком, какой оставляет по себе промчавшийся мимо массивный поезд; отзвук и голый страх, сама мощь которого придавала ему некую безмятежную отрешенность.

Конец уже близок. Слух и зрение пали пред хаотическим вихрем смертельных, шумливых угроз, в котором сплелись воедино все нечестивые и богопротивные четырехчасия, какие случались с незапамятных времен и еще случатся в грядущих вечностях. Пылающий монстр подобрался вплотную, его мертвенные щупальца касаются моего лица, когти алчно скрючиваются, нащупывая горло. Наконец-то я

разглядел лицо твари сквозь взбаламученные, фосфоресцирующие кладбищенские испарения — и с невыразимой мукой осознал, что по сути своей это ужасающая, раздутая, уродливая карикатура на его лицо, лицо того, чья беспокойная могила исторгла эту тварь. Теперь я знаю, что участь моя предрешена, что дикие угрозы безумца были на деле проклятиями могущественного демона, и что невиновность не послужит мне защитой против злой воли, беспричинно ждущей возмездия. Он намерен с лихвой отплатить мне за страдания, испытанные в тот призрачный час, намерен затащить меня из обычного мира в области, ведомые только одержимцам и сумасшедшим.

И вот среди бушующего адского пламени и гомона проклятых душ, с которым тянутся к моей глотке огненные когти, я слышу негромкий стрекот часов на каминной полке; стрекот, говорящий мне, что они вот-вот отзвонят срок, имя которого беспрестанно исходит из мертвой, гулкой пасти грохочущего, насмешливого, хрипящего могильного чудища передо мной — ненавистные, бесчеловечные *четыре часа утра*.

Перевод: Владислав Женевский

2015 год